

A portrait of an elderly man with grey hair and a beard, wearing glasses and a suit, speaking into a microphone. The background is dark.

**ПРАВО
ГОЛОСА**

**ВЛАДИМИР
БУШИН**

**ИУДЫ И
ПРОСТАКИ**

Право голоса

Владимир Бушин
Иуды и простаки

«Алисторус»

2017

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бушин В. С.

Иуды и простаки / В. С. Бушин — «Алисторус», 2017 — (Право голоса)

ISBN 978-5-906947-07-9

Книга блестящего публициста Владимира Бушина, написанная с присущей автору уничижительной иронией, посвящена творческой «элите» России при президентах Ельцине и Путине. По мнению автора, эта «элита» во многом состоит из людей, занимающих четко выраженные русофобские позиции (Бушин называет их «иудами»). Заняв господствующие позиции на телевидении и в других средствах массовой информации, «иуды» манипулируют простаками, которые принимают на веру их лживые измышления. В своей книге Владимир Бушин приводит конкретные примеры клеветы на прошлое нашей страны, называя при этом всем знакомые имена Л. Млечина, А. Минкина, Э. Радзинского и других «властителей дум» современной России.

УДК 821.161.1-4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-906947-07-9

© Бушин В. С., 2017
© Алисторус, 2017

Содержание

Кто кого ассимилировал?	6
Страшнее немецкой оккупации	14
Поздние страсти вокруг тель-авидения	17
О национальной кротости великороссов	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Владимир Бушин

Иуды и простаки

© Бушин В. С., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Кто кого ассимилировал?

Известный писатель и журналист Израэль Шамир, советский еврей, живущий в Израиле, уже давно и довольно часто выступает в нашей оппозиционной печати с интересными публикациями, в которых многое нельзя не приветствовать, но кое-что весьма озадачивает. Такова, например, его статья «Пока горел Ирак» в «Завтра», № 22. В ней автор решительно и смело обличает сионистов не только своего Израиля, но и «сионистов из Пентагона», называя их по именам: Перл, Волфовитц, Фейт и другие. Он констатирует: «Евреи стали основным элементом американской элиты, заняли командные высоты в идеологическом аппарате – в СМИ и университетах...» Подкрепляет это их же словами: «Еврейский обозреватель Филипп Вайс восторженно пишет в «Нью-Йорк обсервер»: «Мы изменили Америку, мы сделали ее такой, какой она стала»».

Да, именно так: «сейчас впервые в Америке евреи оказались у власти». Автор мог бы добавить, «как и в России». Вместо этого, обращаясь к «читателям сайта 7.40», т. е. к русским евреям, автор предупреждает их: «Американским евреям и израильскому руководству нужна поддержка на местах, в частности, в России. Поэтому они несомненно постараются повлиять на вас, а через вас – на других россиян... Они хотят превратить вас в пятую колонну израильско-американского империализма». Предупреждение правильное, но, увы, запоздавшее.

И. Шамир с негодованием рассказывает, как недавно в израильской газете «Гаарец» «ведущие еврейские идеологи Америки, так называемый «круг Волфовитца», т. е. 25–30 еврейских интеллектуалов с гордостью признались, что это они привели Америку к вторжению в Ирак и готовят вторжение в Иран, Сирию, Саудовскую Аравию... А следующим шагом, по их мнению, должна быть война с Китаем. В промежутке – окончательное покорение России». И уже от себя автор прямо заявляет: «Войну в Ираке затеяли американские евреи-сионисты; они сочли, что после войны Израиль станет могущественной державой, восстановив легендарную империю Соломона».

Вспоминая недавнее прошлое, Шамир отмечает, что ведь нам «говорили о Хазарии, о еврейских советниках во франкискской Испании, о еврейских чекистах, но мы отмахивались от «антисемитских» речей. А напрасно!». И объясняет, почему напрасно. А потому, что «еврейский народ традиционно играл роль компрадоров». И не зря прозорливые люди предсказывали: «Евреи у власти неизбежно ведут к жестокому рабству, массовым убийствам, завоевательным войнам, социальному расслоению».

Автор не останавливается и перед тем, чтобы сказать: «А что думают в Израиле? В Израиле думают редко. У нас нет ни мыслителей, ни стратегов, ни крупных государственных деятелей. Государственное устройство просто: страной правят генералы, а к власти приходит генерал, получивший больше денег от американских евреев. Нет в Израиле интеллектуальных сил, способных управлять Ближним Востоком («империей Соломона»). Страна находится в кошмарном положении, а экономика – в состоянии свободного падения». Думается, все это автор писал со знанием дела.

Но тут же мы видим и немалые странности. С одной стороны, автор признает, что население Израиля это «послушно-агрессивное большинство», с другой стороны, указывает на такую возможность: «Мы (евреи) не обязаны быть «евреями», – т. е., как я понимаю, принадлежать к «послушно-агрессивному большинству». Тут Шамир почему-то ссылается на пример Пушкина, который-де был «на четверть эфиопом», но стал же не эфиопом, а великим русским поэтом. Ну, положим не на четверть, а лишь на 1/8, но действительно принадлежал к абсолютному миролюбивому большинству русского народа, более того, был и остался самым полным выражением его духовной сути. Хотя порой и любил посудачить о своем происхождении и однажды довел себя такими разговорчиками до такого экстаза, что у него вырвалось: я, мол,

Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте...

То-то дикая простота была в Царскосельском лицее...

Заявив сперва о возможности, о желании не быть «евреями», Шамир дальше говорит об этом уже как о данности, живой реальности: «Мы перестали быть евреями». Это почему же? И кто именно? А потому, что «еврейская культура давно утеряна, равно как и язык, и кухня. Говорящих на идиш, поедающих фаршированную щуку религиозных евреев не так много, а евреев по культуре и того меньше». Ну, это все ему виднее. Допустим, еврейская культура действительно «утеряна», но зато в России обретен Жириновский, вопящий и в Госдуме и по телевидению: «Евреи – самый талантливый народ в мире!» Поверим, что фаршированная щука уже почти исчезла из рациона евреев, но появился Немцов, призывающий ликвидировать коммунистов, среди которых 85 % – русские. Пусть на идиш уже мало кто говорит, но есть Жванецкий, которому лучше бы говорить именно и только на идиш.

И потом, мы ведь тут же читаем: «Основа еврейства – это пропасть между евреем и гоём. Традиционный еврей воспитывался в духе ненависти к нееврею, о чем писал и Спиноза, и другие вырвавшиеся из еврейства отступники». Так вот, не являются ли названные товарищи традиционными евреями? Во всяком случае, между мной, например, и этими тремя – пропасть.

Дальше мы узнаем, что по «еврейскому закону» еврею запрещалось «делать подарки гою, есть с ним за одним столом, запрещалось даже спасать гибнущего гою». И вот все это ушло в прошлое? Да! Да! Да! «Наши деды ушли из этого мира, и нам туда возвращаться не с руки». Прекрасно! Только не совсем понятно, от лица кого говорит Израэль – всех евреев мира, или только израильских, или русских.

И тут Шамир для подтверждения этой благодати дает два примера. Несколько лет назад в Китае американцы искали евреев, чтобы создать из них пятую колонну. Нашли какой-то город, где в XVIII веке была еврейская община. Но получили там ответ: «Да, наши деды были евреями, но мы – китайцы!»

Автор уверяет: «Нечто похожее произошло и в России, хотя мы не всегда отдаем себе в этом отчет». И приводит второй пример: «Русские евреи в Израиле по-прежнему едят гречневую кашу, пьют водку, поют русские песни, а по воскресеньям украдкой ходят в православную церковь... Пора признать: русские победили: им удалось ассимилировать русских евреев».

Тут – большое недоумение. Во-первых, один пример китайский, другой – израильский. При чем же здесь Россия и русские евреи? В Китае реформы проводили китайцы под руководством китайцев, а в России – евреи за спиной русских. Во-вторых, напомним еще раз, ведь автор говорил, что основа еврейства – пропасть между евреем и неевреем. Не та пропасть, на одном краю которой едят гречневую кашу, а на другом – фаршированную фиш, а та, над которой витает «дух еврейской ненависти» к гоям и где даже полуевреев «не венчают, не берут на работу и хоронят за забором кладбища». Именно так, сообщает автор, обстоит дело в нынешнем Израиле. Где же в таком случае евреи перестали быть евреями?

В-третьих, кого же это нам, русским, не отдавая себе в этом отчет, удалось ассимилировать? Уже названных Жириновского, Немцова и Жванецкого? Едва ли. А может, Березовского? Но кому из «гоев» вопреки «еврейскому закону» он сделал подарок? Дал три миллиона Елене Боннэр, но разве она выписалась из евреев? С кем из русских наперекор Талмуду ел за одним столом хотя бы и щуку? Разве что с одним Александром Прохановым. Этого достаточно? Неужели вы не помните, дорогой Израэль, как Березовский громогласно заявил в Думе: «У каждого еврея два сердца. Одно принадлежит стране, где он живет, второе – Израилю!» Тут, в России, мы искали его сердце и не нашли. Поищите в Израиле.

Или мы ассимилировали Чубайса? Да ведь он не только не спасает гибнущего «гоя», но сознательно, обдуманно убивает его. Может, мы ассимилировали Швыдкого или Сванидзе, Познера или Шустера? Не обстоит ли дело несколько иначе: может, «традиционные евреи» ассимилировали сперва Горбачева, а потом и Ельцина с Путиным (о Медведеве и речи нет)? По-моему, это гораздо правдоподобней.

* * *

Интересным дополнением к рассмотренной статье И. Шамира, провозгласившей ассимиляцию русскими евреев, явилась его же статья «Пароход современности» в газете «День литературы» № 73. Суть ее такова. Александр Павлов (кто это, я не знаю, а в статье не объясняется) выступил где-то (видимо, в том же «Дне литературы», но и об этом не сказано) с резкой критикой Иосифа Бродского и его поэзии: по заимствованному выражению, «решил спихнуть поэта с парохода современности». Поводом послужило чье-то намерение поставить в Ленинграде памятник покойнику.

Вообще-то говоря, к поэзии Бродского, естественно, относятся по-разному. Так, ленинградский поэт Олег Бородкин признается:

Мне Бродский совершенно не противен,
Я Бродского читаю и читал.

А вспомним статьи о нем столь разных писателей, как Василий Аксенов и Эдуард Лимонов, которые оба созерцали его в Америке. Первый писал в «Литературной газете», что Бродский – «вполне середняковский писатель, которому повезло оказаться, как говорят американцы, «в нужное время в нужном месте». В краю не столь отдаленном (имеется в виду высылка на несколько месяцев из Ленинграда в Архангельскую деревню по хрущевскому постановлению о «тунеядцах». – В. Б.) он приобрел ореол одинокого романтика и наследника великой плеяды. В дальнейшем этот человек с удивительной для романтика расторопностью укрепляет и распространяет этот миф. Происходит это в результате почти электронного расчета других нужных времен и мест, верной комбинации знакомств и дружб. Возникает коллектив, многие члены которого даже не догадываются о том, чем они являются, однако считают своей обязанностью поддерживать миф нашего романтика... Редко кто, взявшись за чтение монотонного опуса, нафаршированного именами древних богов, дочитывает его до конца. Со свеженькой темой о брэнности бытия наша мифическая посредственность бодро поднимается, будто по намеченным заранее зарубкам, от одной премии к другой и наконец к высшему «лауреатству»... К Нобелевской премии в 1987 году».

Лимонов в статье «Поэт-бухгалтер», написанной тоже еще при жизни Бродского и озаглавленной так вовсе не потому, что мать поэта работала бухгалтером, утверждал: «Как и Солженицын, Бродский – еще одна Большая Берта русской литературы... Его стихотворения все больше напоминают каталоги вещей... Почти все они написаны по одному методу: недвижимый философствующий автор обзирает вокруг себя панораму вещей... Метод сравнения употребляется им бесчисленное количество раз. Назвал предмет – и сравнил, назвал – и сравнил. Несколько страниц сравнений – и стихотворение готово...»

Поэт малоподвижен. Ему не хватает темперамента. Во всех стихах его автор-герой пребывает в состоянии меланхолии. Никогда – в состоянии восторга. Взрывов у него нет. Человек он невеселый. Классицист. Бюрократ в поэзии. Бухгалтер поэзии, он подсчитает и впишет в смету все балки, костыли, пилястры, колонны и гвозди мира. Перышки ястреба...

В устах почти рафинированного интеллигента, man of letters, каковым Бродский хочет быть (и, очевидно, на 75 % является), ругательства, попытки ввести выражения низшего штиля типа «ставил раком» звучат пошло и вульгарно.

Бог, которого Бродский так часто поминает, не дал ему дара любовной лирики, он груб, когда пытается быть интимным.

Стихи Бродского предназначены для того, чтобы по ним защищали докторские диссертации конформисты.

Иосиф Александрович Бродский получит премию имени изобретателя динамита.

С сегодняшними русскими поэт, кажется, поладил. Но еще неизвестно, каким найдут Бродского сзади идущие поколения...»

А вот что, как недавно обнаружилось, думал о Бродском уж вовсе непохожий на упомянутых выше писателей наш выдающийся композитор Георгий Свиридов: «У Бродского нет совсем свежести. Все залапанное, затроганное чужими руками. Комиссионный магазин... «Качественные», но ношенные вещи. Ношеное белье, украшения с запахом чужой плоти, чужого тела, чужого пота. Нечистота во всем. Нет свежей женщины, свежего плода, яблока, свежей ягоды. Что-то нечистое, уже бывшее в употреблении – всегда! Нет никакой свежести в языке, и это даже не язык, а всегда жаргон – местечковый, околонучный, дачный».

При всей разности процитированных авторов нельзя не видеть, как много в их суждениях общего. И уж это ли не гораздо более ранние попытки «сбросить с парохода современности»?

Может быть, и не зная эти статьи, Шамир, конечно же, спорит и с ними, в частности по вопросу идущего сзади поколения пишет: «Стихи Бродского остаются в золотом фонде русской поэзии... Где бы не легли его кости, наши дети будут повторять: «На Васильевский остров я приду умирать...»»

Но ведь известно, что не пришел, а умер в США, и кости его легли далековонько от России. Так что «почва и судьба» не подтвердили поэзию. И хотя бы уже только поэтому, думается, у наших детей несколько больше оснований повторять строки поэта, которые не разошлись с судьбой:

И хоть бесчувственному телу
Равно повсюду истлевать,
Все ж ближе к отчому пределу
И мне б хотелось почивать...

Или:

Я хотел бы
жить и умереть
в Париже,
если б не было земли такой —
Москва.

В Москве, в Лубяном проезде и умер...
А Есенин?

В зеленый вечер под окном
На рукаве своем повешусь...

И повесился, да именно возле окна.
Наконец, Рубцов писал:

Я умру в крещенские морозы...

И умер 19 января, да, в те самые морозы.

И. Шамир пишет, что статья А. Павлова напомнила ему «злые окрики». В то же время, говорит, «доводы Павлова отменно слабы и рассыпаются, как карточный домик, от первого толчка». Посмотрим...

Автор избрал очень странный способ опровержения этих «слабых доводов». Вернее, он их и не опровергает, не доказывает, что они ошибочны или недобросовестны. Совсем напротив, признает, что Бродский действительно совершил те или иные неблагоприятные поступки, написал или сказал что-то предосудительное или сомнительное, но, говорит, ведь нечто подобное или даже что-то похуже было в жизни и других писателей, и каких!

Вот так да... До сих пор было принято считать, что если один человек совершил какое-то непотребство, а другой повторил его, то оба они заслуживают осуждения. Ничего подобного! – заявляет И. Шамир. Он из такого совпадения, повтора делает вывод о полной беспорочности обоих, добавляя при этом: «С поэтами нужно обращаться бережно и позволять им говорить и делать глупости». Ну, конечно, еще тот же Пушкин говаривал: «Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата». Но ведь нельзя же, как иные авторы, понимать это буквально, тем более – злоупотреблять этим.

И вот мы читаем: «Критика смущает американское гражданство Бродского». И первый толчок Шамира по «карточному домику» таков: «Напомним забывчивому зоилу, что американский паспорт был и у блистательного Владимира Набокова». Мы ответим: ну и что? При чем здесь Набоков, хотя бы и блистательный? Он что, все, к чему прикасался, обращал в золото? Напомним забывчивому пиндару, что Набоков уехал из России, когда ему еще не было двадцати лет, и случилось это в жестокую пору Гражданской войны, установления новой власти, и юный поэт по своему княжескому роду и положению семьи в царское время мог ожидать некоторых досадных неприятностей от советской власти. И прожил он в США двадцать лет – как тут без паспорта? А Бродский уехал с израильской визой в США, когда ему шел уже четвертый десяток, в спокойное, мирное время. Ну, правда, до этого побыл он год или полтора в ссылке. Эка беда для русского писателя! Новикова матушка Екатерина заточила на четыре года в Шлиссельбургскую крепость; Радищева та же августейшая благодетельница уpekла на семь лет в Сибирь, а вернувшись, уже при Александре Благословенном, опасаясь от нового царя новых милостей, писатель покончил с собой; Пушкину этот же Благословенный подарил пять лет ссылки в широком по-царски диапазоне от Кишинева и Одессы до Михайловского; а его братец послал Лермонтова под чеченские пули; Достоевский изведal страшную инсценировку смертной казни, а потом – четыре года каторги в Омском остроге да несколько лет солдатчины; Короленко провел шесть лет в тюрьмах и на поселениях; Горький и в ссылке жил под негласным надзором, и в Петропавловской крепости посидел; Маяковский на всю жизнь запомнил 103-ю камеру в Бутырках... И ведь это далеко не полный перечень. Но никто из них не эмигрировал, не сбежал, не принял другое гражданство. Из советского времени достаточно вспомнить одного Пастернака, который за передачу в иностранное издательство романа «Доктор Живаго», ставшего знаменем антисоветчины, готов был нести любые кары, но умолял Хрущева об одном: не высылать его за границу. А тут годик-полтора то ли ссылки, то ли высылки, и тотчас вопль: «Дайте мне израильскую визу!» И с этой визой мимо любимой родины – в США...

С другой стороны, в XX веке многие русские писатели побывали в Америке, но никто не попросил там гражданства. Даже Солженицын. Этот ограничился страстными призывами к американцам решительно вмешиваться в дела его родины, что они, к его удовольствию, и делали с большим увлечением и эффектом.

Всем русским писателям, побывавшим в Америке, многое там шибко не понравилось, они об этом написали и оставили потомкам для науки: Короленко – «Без языка», Горький – «Город желтого дьявола», Бунин – «Господин из Сан-Франциско», Есенин – «Железный Миргород», Маяковский – «Мое открытие Америки», Ильф и Петров – «Одноэтажная Америка»... И так вплоть до Григория Бакланова с его «Темпом вечной погони».

Есть у Бродского что поставить в этот ряд? Нет, он там жил и благоденствовал, витая между персонажами греко-римской мифологии. Правда, теперь вот еще Евгений Евтушенко, по квалификации газеты «МКбульвар», «поэт-солнце», сбежал от кошмара «возрождения России» в Оклахому (это вроде как российские Тетюши), построил там дом с трубой, приобрел две машины с мигалками (одна машина экономно работает на дровах) и завел козу. В свободное от добывания дров и от ухода за козой время (ведь приходится и доить самому, Маше с четырьмя детьми некогда) продолжает сочинять стихи:

Пусть мы продажные, пусть мы бездарные,
Но все равно – мы легендарные!

Еще бы! Начать жизнь в Москве, прославленной им как столица мира, и в возрасте старше короля Лира оказаться в степной Оклахоме...

Однако послушаем странную речь-опровержение дальше: «Бродский призывал бороться с советской оккупацией Афганистана? Но это же делал Солженицын, тоже живший тогда в Штатах». Во-первых, это была никакая не оккупация, а военная помощь дружественному правительству соседней страны по его настойчивой просьбе. Оккупанты не строят школы, больницы, дороги, как строила наша 58-я армия. Оккупанты отхватывают чужую территорию. А что отхватили мы? Если вы, любезный Шамир, забыли, что такое настоящая оккупация, то можем напомнить: США оттяпали половину Мексики; гитлеровская Германия пыталась захватить землю вашей первой родины и два-три года удерживала некоторые районы, грабила их, вывозила даже чернозем, истребляла население; ваша вторая родина захватила палестинские территории, Иерусалим, и из-за этого уже много лет не переставая льется поток арабской и еврейской крови. А вот и свежайший примерчик: США, Англия и Польша оккупировали Ирак и тоже грабят его.

Кстати, о Польше: неужели там никто не помнит, чем обернулось для поляков участие вместе с Гитлером в растерзании Чехословакии, за что Черчилль назвал их страну гиеной?

Ну, а Солженицын делал не только «это» – вопил об оккупации Афганистана, а еще много чего делал. Восхвалял генерала Власова, глумился над Зоей Космодемьянской, мечтал, чтобы Трумэн бросил на нас атомную бомбу, клеветал на Красную Армию, врал о том, как он воевал, верстами сочинял деревянные стихи, приводившие Твардовского в ужас и, может быть, сократившие его век, и т. д. И с этим поэтом «нужно обращаться бережно»? И ему «нужно позволить говорить и делать глупости», пахнувшие кровью? И этой фигурой вы хотите заслонить от критики своего кумира?

Дальше: «Бродский отрекся от славного звания «русского интеллигента»? Но еще резче выражался Печерин!» Помним, помним этого любителя выразаться:

Как сладостно отчизну ненавидеть
И ожидать ее уничтоженья.

Только этим и памятен. Если вам непонятно, как эти строки звучат для русского уха, то, может быть, поймете более близкий вам вариант:

Как сладостно Израиль ненавидеть

И ожидать его уничтоженья.

Ведь так примерно считают иные палестинцы, которых за это израильяне преследуют? «Бродский жил в эмиграции? Но в этом он следовал по стопам Бунина, Цветаевой, десятка других поэтов». О, тут вы найдете общий язык с товарищем Путиным. Его ассимилированное сердце радуется отток из России умов и талантов. Он даже гордится этим: значит, говорит, они конкурентоспособны на мировом рынке. Ура! И уже воспитано целое поколение, думающее так же. Скажи любому из них, что его жена пошла по рукам, он обрадуется: «Значит, ее сексуальность конкурентоспособна. Ура!»

Но тут приходится повторить: названные писатели покинули родину в тяжелое, смутное время, когда казалось, что все рушится, а Бродский – в тишайшую эпоху Брежнева, когда уже и разлюбезного вашего Кафку давно издали, и на Жванецкого никто не смел покуситься.

Кроме того, следовало бы вам знать, сколь многие – кто через десять лет, кто через двадцать – вернулись на родину: Горький, Алексей Толстой, Куприн, та же Цветаева, Сергей Прокофьев, Коненков, Нефедов-Эрзя... И это во времена, когда страной правил тиран тиранов! Уже в нынешнее время благоуханной демократии вернулись и Солженицын, и Зиновьев, и даже известный сербохорват Войнович... А Бродский прожил в США двадцать пять лет до самой смерти и только в стихах лишь обещал вернуться на родину умирать. И не сдержал слова.

«Бродский снисходительно отзывался об итальянских фашистах? Но их любили и д'Аннунцио, и Маринетти, и русские футуристы!» Да какое нам до них до всех дело! Можете и себя записать в их компанию. Можете еще назвать многих, например, генерала Петра Краснова. Ведь тоже писатель! Этот не только любил фашистов, в том числе персонально самого Гитлера, но и воевал вместе с ними против своей родины. А что касается русских футуристов, то когда Маринетти еще до революции приехал в Россию, то их вождь Маяковский не пожелал встретиться с ним. Это ж додуматься надо – записать Маяковского в почитатели фашистов...

«Бродский сказал: «Я лучше поеду в Польшу, чем в Россию». Но сказал же его славный собрат «Прощай, немытая Россия!» – и мы ему простили». Кто простил? Я лично никогда не прощал этот гнусный стишок его автору, и всегда был уверен, что это не Лермонтов, хотя бы потому, что он не только никуда из России не уезжал, но и за «хребтом Кавказа» никогда не был. В обстоятельной работе «Странная судьба одного стихотворения» я доказал полную недоказанность авторства Лермонтова. Желающие могут прочитать эту работу в журналах «Слово» № 10'89 или «Кубань» № 10'89 и № 5 и 9'90 (полный текст).

«Павлов ищет и находит неприятные для нашего слуха фразы у Бродского. Но «Я люблю смотреть, как умирают дети», – приятная фраза?» Тут уж окончательно выплывает вся суть защиты: автор считает, что если большой поэт сказал мерзость, то это не мерзость, и ее можно спокойно повторять вслед за ним. Не понимает, вернее, не смеет понять, что мерзость остается мерзостью независимо от того, кто ее творец.

И вот таким образом надергав из множества авторов «аналогий», сделав из них нужные выжимки и приложив к Бродскому, Шамир посчитал, что дело сделано, облик его кумира сияет во всей красе. И в довершение тяжкого труда заявил, как помним, что стихи Бродского «остаются в золотом фонде русской поэзии». Ох, уж этот золотой фонд, кого только в него не сажали... И дальше автор конкретно называет одно из бродских сокровищ этого фонда: «Ода на смерть маршала Жукова» – вершина русской патриотической поэзии». Не рядовое сокровище, а вершина!..

Однажды генерал В. И. Варенников подарил мне на день рождения прекрасно изданную книгу «Георгий Жуков. Фотолетопись». Издатели нашли в ней место и для трех стихотворцев, все – из одного гнезда: Иосиф Бродский, Григорий Поженян, Галина Шергова. И все трое – об одном: о жестокости Жукова. Первый в своей «Оде» восклицал:

Сколько он пролил крови солдатской
В землю чужую!

О защите отечества сказал как о бессмысленном жестоком кровопролитии. Лихой патриот! И какая великая новость: оказывается, не враг проливал кровь защитников родины, а маршал Жуков. Собственноручно. Какой крутой вираж нового мышления!

Затем Бродский, почесав в затылке, спросил: «Что ж, горевал?» Тут как тут с ответом Поженян: «Он солдат не жалел...» Спасительная аналогия на сей раз сама идет в руки Шамиру, он может сказать: «Да, Бродский так писал. Но то же самое писал и Поженян о Жукове».

Так ведь и у нас аналогии есть, в том числе среди самых уважаемых и чтимых в народе полководцев, – от Суворова и Кутузова до Фрунзе и Рокоссовского... Тоже «пролили крови солдатской» немало. А нет ли у Бродского стихов «На смерть генерала Моше Даяна»? Не подсчитывал, сколько тот пролил крови в войне с Египтом? Странно, если нет. И почему сказано о «чужой земле»? Что, Жуков был захватчиком чужих земель? Увы, ему пришлось воевать в основном на родной земле, очищая ее от оккупантов.

Но слушайте дальше:

Что он ответит, встретившись в адской
Области с ними?

То есть с погибшими солдатами. Стихотворец уверен, что и защитники родины и маршал попадут именно в «адскую область», чертям в лапы. Это за что же? За то, что спасли Россию? За что же еще! Ну, если уж советских воинов и Жукова – в ад, то Гитлера и его мародеров – в рай. А как иначе!

Но стихотворцу и этого мало, он продолжает:

Маршал! Поглотит алчная Лета
Эти слова и твои прахоря...

Нобелевский лауреат решил блеснуть блатным словечком, столь неуместным в его стихах вообще, о чем справедливо писал Лимонов, а уж в «Оде на смерть» – тем паче, однако нобелеат не знает, что надо писать «прОхаря»(сапоги). Но какова идентификация! Сам автор это нечто весьма высокое – «слово», а маршал – вульгарные «прохаря» и ничего больше.

И после всего этого нам говорят, что «христианнейшим духом осенена поэзия русского поэта Бродского». После этого внушают: «В поэзии нет «своих» и «чужих». Дескать, все ассимилированные... С луны свалился, что ли?

Страшнее немецкой оккупации

М. Швыдкой, известный революционер культуры, учинил теледискуссию, тему которой сформулировал как непререкаемую аксиому, как политический лозунг: «Русский фашизм страшнее немецкого». На клич Швыдкого сбежалось множество его шустрых соплеменников, согласных с ним. Красотой и умом не уступая Шарон Стоун, блистала наша доморощенная звезда русофобии Алла Гербер; затмевая всех трех Толстых русской литературы, ошарашивала своей мудростью Толстая Четвертая; двойник Бориса Немцова (у него их, как было у Саддама Хусейна, четыре – для ежедневных тусовок на всех телеканалах) пламенно травил баланду о фашистской сталинской эпохе; Глеб Павловский, глядя на нас поверх очков, как Арина Родионовна, пел нам песню, как синица тихо за морем жила, куда эмигрировала из России от русского фашизма... Их мобильность, единство и пламенность в обличении русского фашизма умиляли...

Но больше всего меня лично растрогал мой старый однокашник по Литературному институту Григорий Бакланов. Он же ветеран борьбы против русского фашизма. Воюет против него вот уже больше полувека, еще с тех пор, когда был Фридманом. В июне 1951 года он выискал одного русского фашиста и разоблачил его. И как вы думаете, кто это был? Представьте себе, ваш покорный слуга! Да, Гриша так и объявил: «Ты, Бушин, фашист!»

Ну, его, естественно, пригласили тогда на курсовую партгруппу, стали спрашивать, что он имел в виду. Может, есть сведения, что Бушин был надсмотрщиком или кочегаром в Освенциме? Вообще-то Гриша изрядно струхнул, но признать сразу, что брякнул сдуру и встать да извиниться перед однокурсником, не позволила ему его воспетая Багрицким «иудейская гордость». И он сказал, что нет, Бушин в Освенциме не работал, евреев не уничтожал, но все-таки человек он несоветский. Ну, совершенно несоветский! Напомню, что дело-то происходило в 1951 году, еще был жив-здоров товарищ Сталин. И вот оказывается, что в столичном институте обнаружен хоть и не фашист, но вопиюще несоветский человек, который со временем может стать и фашистом. Грише могли дать орден или квартиру...

Его спрашивают, в чем же Бушин несоветский? Да как же, говорит, вот я, как полагается советскому человеку, живу с женой душа в душу, а у Бушина с женой какой-то конфликт – разве это мыслимо для советского человека!

И знаете, он был совершенно прав: конфликт-то у меня действительно тогда случился, правда, не столько с женой, сколько с тещей. И как только пронюхал! Но этому доводу обличителя почему-то никто не придал значения.

А что еще? А еще, говорит, пошел он в юридический институт на обсуждение повести Юрия Трифонова «Студенты», все там записал и напечатал в виде своей статьи в «Московском комсомольце». Разве советский человек способен на это!

И опять правда! Был я в юридическом на обсуждении повести, и статья о ней в «Московском комсомольце» тоже была. Но тут даже Юрий Бондарев, все время хранивший толерантное молчание, хмыкнул от неловкости за своего наперсного дружка Гришу. А Женя Винокуров сказал: «Да неужели на пятом курсе Бушин не может сам написать рецензию? Не такая уж сложная штука эти «Студенты». А Бушин учился старательно».

А что еще? Больше у антифашиста ничего не было. Тогда парторг Миша Годенко сказал ему: «Извинись перед Бушиным и пригласи его в бар № 4, угости пивом с сосисками. На этом собрание объявляю закрытым».

Этот пивной бар был рядом с институтом, на Тверском бульваре, но Гриша меня не пригласил, а через несколько дней примчался ко мне со своими добровольно-принудительными извинениями в Измайлово, где я тогда жил. Я сказал: «Да ладно, Бог простит». И мы пошли в Измайловский парк, я сводил его в «комнату смеха» с кривыми зеркалами, а он купил мне

эскимо на палочке... Потом, уже в эпоху перестройки, в своем мемуаре «Входите узкими вратами» Бакланов описал все это как кошмарную историю, едва не загубившую всю его литературную карьеру. Чепуха на постном масле. Все кончилось именно так – «комнатой смеха» и эскимо на палочке.

Но все-таки, почему он назвал меня фашистом? Подозреваю, дело тут вот в чем. Однажды, когда мы узнали, что наш однокурсник Гриша Фридман вдруг напечатал что-то под псевдонимом Бакланов, кто-то из нас ему сказал: «Почему Бакланов? В фадеевском «Разгрома» есть такой персонаж второго плана. Но если брать псевдоним оттуда, то не лучше ли, Гриша, взять тебе имя главного героя повести – Левинсон?» Все засмеялись, а я, пожалуй, громче всех. Как же после этого не фашист!.. И вот прошло уже больше полувека, а он все рыщет в поисках русского фашизма. «Одна, но пламенная страсть...»

* * *

Возвращаясь к швидковской телепередаче, нельзя умолчать о заключительной итоговой побасенке Бориса Немцова. (Говорят все-таки, что на столь важной передаче был сам, а не двойник.) Он сказал: «Однажды Черчилля спросили, почему в Англии никогда не было антисемитизма? Черчилль ответил: «Потому что англичане никогда не считали себя глупее евреев». Эту замусоленную побасенку обожают многие евреи. Ведь здесь сам «англичанин-мудрец» признает, что он всего лишь не глупее еврея. Как отраднo слышать. Но, ах, как тут все характерно! Вот бывает же так: скажет человек всего несколько слов – и сразу весь он, включая черепную коробку, как на ладони.

Во-первых, крайне характерно само обращение оратора к фигуре одного из самых лютых врагов России, без которой у пошляков демократии не обходится, пожалуй, ни одно появление на публике. Но пошляки не чувствуют, не видят своей пошлости. Во-вторых, это ложь, без чего Немцов шагу ступить не может. Никто такой вопрос Черчиллю не задавал, и никому он так не отвечал и не мог отвечать. Ибо, в-третьих, он знал историю своей родины и ему было доподлинно известно, что, допустим, в 1189 году в Лондоне случился еврейский погром. Слышите, Немцов? – погром, а не кинофестиваль. В 1262-м нефестиваль, увы, повторился. Историк Сесиль Рот, еврей, утверждает: «В 1278 году в Лондоне было повешено 267 евреев. Их обвинили в том, что они срезали с монет частички золота». Нельзя исключить, что среди повешенных был и незадачливый предок Бориса Ефимовича. Книга Андре Моруа «Жизнь Дизраэли» начинается так: «В 1290 году, в день всех святых, король Эдуард Первый изгнал из Англии евреев...»

Конечно, со временем просвещение делало свое дело, нравы смягчались, но и в 1858 году, когда Дизраэли, кажется, был уже министром финансов, член палаты общин Ньюдигейт в своей речи 22 марта сказал: «Я не верю, что еврей может быть хорошим членом парламента, ибо он прямой последователь Талмуда, тенденции которого аморальны, антисоциальны и антинациональны... Причина ненависти к ним лежит в иудаизме, который объединяет своих приверженцев на аморальных основах». В этом же году 12 июля не более ласковые слова произнес лорд Харрингтон в палате лордов: «Я возражаю против допущения евреев... Им безразлично, поддерживают они хорошие или плохие дела. Они всегда – величайшие враги свободы». Согласитесь, что до этих парламентариев их более позднему коллеге Пуришкевичу далековато...

Трудно допустить, чтобы Черчилль ничего этого не знал. Да ведь и сам сэр Уинстон 5 ноября 1919 года сказал в той же палате общин: «В советских учреждениях преобладание евреев более чем удивительно. И главная часть системы террора, учрежденного Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, была осуществлена евреями и еврейками. Такая же дьявольская слава была достигнута евреями в период террора, когда Венгрией правил еврей

Бэла Кун». Маяковский сказал: «Достопочтенный лорд Черчилль в своем вранье переперчил...» Но это – по другому поводу...

Мало того, в Англии существовал и «Британский союз фашистов», который в своем отношении к евреям был несколько крепче, чем безалкогольное пиво. Фюрер этого Союза известный Освальд Мосли в свое время дважды и много лет был членом парламента, а некоторое время даже членом правительства. И действовал он столь активно в пользу фашистской Германии, что во время войны хоть и не сразу, но был интернирован, а «Союз» запрещен.

А Немцов знает только одно: еврей Дизраэли был английским премьером. Из этого факта он делает вывод: антисемитизма в Англии никогда не было и быть не могло!.. Ах, милоч... Во Франции еврей Леон Блюм три раза был премьер-министром и дважды его заместителем. А француз Вольтер говорил: «Евреи являются не чем иным, как презренным народом, который сочетает отвратительное корыстолюбие с неугасимой ненавистью к народам, которые их терпят и на которых они богатеют... Они пресмыкаются, когда их постигает неудача, и высокомерничают при процветании дел... Эта маленькая нация не скрывает своей непримиримой ненависти ко всем остальным народам. Они всегда жадны к чужому добру, подлы при неудаче и наглы при удаче».

Какие жуткие слова! А ведь сто лет был властителем дум всей просвещенной Европы. Другой великий француз, Наполеон, если верить источникам, говорил: «Евреи являются нацией, способной на самые ужасные преступления... Они, как гусеницы или саранча, поедают Францию... К жидам относятся с отвращением, но надо признать, что ведь они действительно отвратительны; их также презирают, но ведь они достойны презрения... Я делаю все, чтобы доказать свое презрение к этой подлейшей нации мира». Вот тебе и Дизраэли. Вот тебе и Блюм...

Должен сказать, что все приведенные выше ужасные высказывания известных и даже великих людей о евреях я, старый человек, узнал совсем недавно. В советское время они не публиковались. И уже за одно это, швыдкие, вам надо молиться на советскую власть. А сейчас бесчисленные афоризмы такого рода – в книгах, что продаются на каждом углу. И появились эти книги как ответ на разнузданную наглость и русофобское бесстыдство швыдких. Из забвения, из небытия именно они вызвали эти книги к жизни, подтверждая правоту своего великого соплеменника Спинозы, утверждавшего, что антисемитизм евреи несут в себе.

После проведенной Швыдким теледискуссии «Русский фашизм страшнее немецкого» полезно будет нам устроить дискуссию «Швыдкой страшнее Геббельса», а потом в свете двустихия поэтессы М. – «Жидовское засилье страшнее немецкой оккупации». Аудитория – весь народ, в том числе – все честные евреи...

Впрочем, нет, мы не станем перенимать их наглую манеру. Мы сформулируем тему вопросительно: «Кто страшнее – Швыдкой или Геббельс?» А так же – «Что страшнее – жидовское засилье или немецкая оккупация?».

Поздние страсти вокруг тель-авидения

В газете «Завтра» № 10 напечатано коллективное письмо «Телевидение, ты чье?» Под ним стоят имена нескольких весьма известных писателей, двух критиков, двух артистов, одного врача и даже одного протопопа, известного читателям «Дуэли» Михаила Алексеевича Ходанова.

В самом начале говорится, что авторы обращаются «ко всем соотечественникам с просьбой разделить тревогу по поводу засилья на телевидении одних и тех же персон».

Ну, разделил я вашу тревогу. И что? Да не только разделил! На страницах этой же газеты, как и других, я неоднократно писал и о засилье «персон», и – что гораздо важнее – о засилье дремучего невежества, злобной антисоветчины, клеветы на наше прошлое, похабщины. И что, говорю? Да разве я один! Мало того, Виктор Анпилов уже давно и неоднократно устраивает народные протестные шествия к стенам «империи лжи» в Останкине. Кто-нибудь из вас, подписанты, скажем, Владимир Крупин, Игорь Золотусский или Валентин Курбатов принимали участие в этих народных шествиях? Сомневаюсь, вы скорее предпочтете дать по телефону согласие на свою драгоценную подпись под таким обращением к соотечественникам, чтобы на страницах газеты выглядеть бесстрашными зачинателями борьбы. Как с неба свалились!

Разумеется, всех названных в обращении «персон» давно пора гнать с телевидения, а таких провокаторов, как Швыдкой, и судить надо. Но дело не только в этом.

Надеюсь, ни Василий Белов, ни Валентин Распутин, ни Юрий Назаров и другие письмо это не читали, ибо оно составлено кустарно, неграмотно, напичено злобной клеветнической антисоветчиной, – словом, оно не только бесталанно, но и отталкивает читателей. Я имею в виду не тех чистюль, которых отталкивает уже одно неумение борца за справедливость правильно запятые расставить или то, что он пишет «одни и те же персонажи». Вопрос серьезней.

Нет никаких сомнений, что писал обращение – видно по манере – давний и постоянный сотрудник газеты искусствовед Савва Ямщиков, закоснелый антисоветчик, в прошлом приятель – не знаю, чей больший – то ли Познера, то ли Швыдкого, которым, по его собственным рассказам, оказывал некоторые деловые услуги.

О Ямщикове надо сказать особо. Впервые он заинтересовал меня гневным протестом против второго памятника Достоевскому в Москве по той причине, что, во-первых, писатель был «скромен до болезненности»; во-вторых, в Москве он всего лишь «только родился и жил маленьким». Я был изумлен. Да разве памятники ставят лишь таким нескромникам, как Пушкин, писавший, что к нему «не зарастет народная тропа», или Маяковский, восклицавший: «Славьте меня! Я великим не чета!» Да и никакой особой, тем паче болезненной скромностью Достоевский не отличался, он знал себе цену – чего стоит хотя бы его возмущение тем, что Толстому издатели платили по тысяче рублей с листа, а ему только пятьсот. А кроме того, неужели и в шестнадцать лет, окончив московский пансионат Леонтия Чермака (это, грубо говоря, вроде нашей десятилетки), писатель все еще оставался «маленьким»?.. Позже я был тронут взволнованным рассказом Ямщикова о гневном осуждении Кровавого воскресенья 1905 года А. П. Чеховым, которого тогда уже не было в живых.

Ямщиков напечатал в газете много бесед с известными и малоизвестными людьми главным образом антисоветско-церковного склада. Разумеется, иногда это интересно, но порой кое-что в них просто ошарашивает. Вот, допустим, примечательная беседа с тележурналистом Виктором Правдюком, о лживом, невежественном и прогерманском фильме которого о Второй мировой войне обстоятельно писала «Завтра» три или четыре раза. Для общего уровня беседы характерен, например, такой эпизод. Правдюк говорит: «У меня Маяковский вызывает большие сомнения». Для антисоветчика это естественно. Но о каких сомнениях речь – о биографических, художественных, политических? Молчит. Однако тут же выясняется, что речь идет о

сомнениях морально-политических. Какие же основания? Оказывается, говорит, «под некрологом Маяковского первой стоит подпись Якова Агранова, заместителя Ягоды», а последней – какого-то Эльберга. Допустим, да, оба они были мерзкими людьми, за что в 1938 году Агранова и расстреляли. Но Маяковский-то какое отношение имеет к подписям под своим некрологом? Это ж не послесловие к прижизненному собранию сочинений. Или Правдюк думает, что перед тем, как застрелиться, поэт позвонил Агранову и сказал: «Яков, тут такое дело. Я, видишь ли, через полчаса уйду в мир иной, так ты, пожалуйста, не забудь свою подпись поставить под некрологом. И Эльбергу передай мою просьбу. Уж, пожалуйста. Век не забуду... Ну, пока!»

Да разве нормальный человек может судить об усопшем по некрологу. Гораздо вероятнее допустить, что какие-то мелкие и гнусные людишки, ухитрившись поставить свои подписи под некрологом великого поэта, надеялись хоть так примазаться к его имени. А людям моего поколения до сих пор памятно, что, когда скончался Пастернак, «Литературная газета» написала: «умер известный член Литфонда Б. Л. Пастернак». Вы, Правдюк, знаете стихи этого члена Литфонда? И учтите, что еще вопрос, кто подпишется и под вашим некрологом. Я думаю, что уж Чубайс и Хакамада – обязательно. И напишут: «В золотой фонд нашего искусства вошел его невероятно правдивый 90-серийный фильм о войне. Что ни серия, то и подарок. Что ни подарок, то и радость для наших чистых антисоветских душ» и т. д.

Разумеется, Правдюка, как и многих других антисоветчиков, еще до сих пор гложет мысль об авторстве «Тихого Дона». Как Бенедикт Сарнов, Солженицын, Вознесенский – не верит он, что это Шолохов. Когда-то, теперь уже давно под руководством до сих пор памятной Белы Курковой он со своим подручным Александром Зайцем провел по ленинградскому телевидению («Пятое колесо») множество передач: не Шолохов! И все они были на таком же мыслительном уровне, что новость о Чехове и рассуждения о некрологе Маяковского – а где иной-то уровень взять? И обнаружение рукописи «Тихого Дона» Правдюка не угомонило, он продолжает многолетние кропотливые изыскания. И что же? Слушайте! «Нам удалось собрать интереснейшую информацию. Например, поговорить с другом детства Шолохова по фамилии Солдатов». Прекрасно, повезло. Но разве кто-нибудь утверждал, что Шолохов писал роман в детстве? Разве этот Солдатов заявил: «Как сейчас помню Машку, пас он гусей, ездил в ночное – и никаких романов!»

Какая еще «интереснейшая информация»? Вот: «Мы выяснили, что Шолохов родился не в 1905 году, а в 1903-м. Сделано открытие! Но литературоведы не захотели этим заниматься». А чем тут заниматься? Такие факты встречаются не столь уж редко. Вон кто-то доказывает, что Сталин родился не в 1879-м, а в 1878-м году. И что из этого следует?.. Так что, Правдюк, ешьте свое «открытие» сами.

Но главное в этом эпизоде то, что энтузиаст шолоховедения не соображает, на кого и против кого работает его «открытие». Ведь один из главных доводов ниспровергателей Шолохова состоит в том, что он, дескать, был слишком молод для «Тихого Дона». А Правдюк щедро прибавляет ему два года. Прекрасно! Спасибо. Может, иные крикуны теперь перестанут вопить о молодости гения.

* * *

Вот на таком умственном уровне написано и письмо о телевидении. Прежде всего надо заметить, что жанр коллективного письма имеет свои законы, например, в нем, недопустимы фельетонные выверты такого эстетического пошиба, как «А че? Ниче». Или: «Они друг перед другом оттопыриваются»(?). А что такое какие-то «антоши с клепами»? Что за антоши? Что за клепы?

Верю, что С. Ямщиков хороший реставратор, но писать, увы, он не умеет. Это воззвание к согражданам он задумал в духе сатирического изобличения «персон». Но как убоги его

сатирические средства! Главное из них – кавычки. Да это же нищенское средство, а он думает, что если слова «герои», «гвардейцы», «демократы», «знатоки», «безвозмездно» и т. п. взять в кавычки, то тем самым лиц и явления, которые они означают, пригвоздил к позорному столбу навеки.

Или вот, желая уязвить академика Гинзбурга, именует его не лауреатом Нобелевской премии, а «нобелистом». То-то уязвил!

А затем позорит доктора каких-то наук Швыдкова тем, что Геббельс тоже был доктор. Боже мой, с одной стороны, не соображает, что, как и в предыдущем случае, бросил камень в огород множества честных и добросовестных людей – докторов разных наук, в том числе иных авторов «Завтра». С другой стороны, не может вообразить, что в ответ ему кто-то скажет: «Вы с издевкой пишете в своем обращении о «бескомплексной» Маше Распутиной. Но ведь среди подписавших обращение тоже есть Распутин – Валентин. Пожалуй, тут больше общего, чем между двумя докторами. Тут и родство возможно». К слову сказать, эти строки о Распутиной совершенно невразумительны, как и об Архангельском, о каком-то Пономареве, а еще здесь и несколько Соловьевых, в которых без пол-литра не разобраться. Ну разве так пишут обращения к народу?

Провокатор Швыдкой ему напоминает, видите ли, Ленина и Мао Цзэдуна, названных «душителями прогресса». Тут пример многократного тупоумия. Во-первых, в отношении Ленина и Мао утверждение тупоумно само по себе, что доказывать просто смешно. Во-вторых, ты же обращаешься ко всем соотечественникам, а должен бы знать, что среди них многие миллионы относятся к Ленину с великим уважением. Кто ж тебе дал право оскорблять того, кого они почитают, а значит, и их самих? Что побудило оскорбить и великий китайский народ? Ты хотел этого? Нет, не хотел. А оскорбил то той причине, что просто не соображаешь, что делаешь.

Наконец, ведь под оскорблением Ленина с радостной готовностью подпишутся, пожалуй, все, кого Ямщиков прокликает в своем письме: и Швыдкой, и Познер, и Ерофеев, и какой-то Соловьев... Таким образом, Ямщиков показал свое генетическое родство с этой публикой. Никаких сомнений! Как те творят свои мерзости, не считаясь с убеждениями, взглядами и чувствами миллионов родного народа, так и Ямщиков плюет на эти же миллионы.

Да ведь косвенно об этом свидетельствует и сам заголовок обращения. Всем давно ясно, чьим стало наше телевидение, а он все вопросики задает, все сомневается. Так вот сообщаем вам, Савва Ямщиков: телевидение уже почти двадцать лет – еврейское. В народе его давным-давно называют тель-авидением. Передайте это Белову, Гостюхину, Золотусскому, Крупину, Курбатову, Ходанову, Назарову, Недоступу и Распутину.

Вот они удивятся-то!..

О национальной кротости великороссов

И вдруг меня осенило: ведь «лицо еврейской национальности» это же не что иное, как бывшая «жидовская морда».

Б. Сарнов

У критика Бенедикта Сарнова три больших влечения: любит порассуждать на военную тему, неутомим в борьбе за культуру вообще, за русскую в особенности, за русский язык в частности, и, конечно, не может жить без обличений антисемитизма. Во всяком случае именно эти «три кита» резвятся в его книгах – «Перестаньте удивляться!» (М., Аграф. 1998) и «Наш советский новояз» (М., Материк. 2002).

С двумя последними из названных трех страстей все понятно: первая объясняется литературным образованием и профессией, вторая – национальностью. А вот страсть к военной теме в самых разных ее аспектах от довоенных знаков различия до вопроса о профессионализме наших военачальников и событий Великой Отечественной войны, – весьма загадочна. В армии человек не служил, на войне не был, а вот поди ж ты, судит-рядит.

Хотя бы со знаков различия и начать. Они, читаем в «Новоязе», были до войны такие: четыре кубика – капитан, одна шпала – майор, две шпалы – подполковник, три шпалы – полковник... И кто это ему сказал – Войнович, что ли, знаток армии? Ведь здесь все – чушь. Четырех кубиков вообще не существовало, а остальное было так: капитан – одна шпала, майор – две, подполковник – три, полковник – четыре...

В другом месте, не моргнув прозорливым глазом, пишет, что у нас «вчерашний полковник становился маршалом». Это кто же? Когда? Приведи хоть один пример. Где тот таинственный полковник? Сказать он ничего не может. А ведь опять чушь! Даже Булганин прошел необходимую иерархическую лестницу: будучи членом Военного совета Западного фронта, он, естественно, 6 декабря 1942 года получил звание генерал-лейтенанта, затем, оставаясь на фронте членом Военных советов других фронтов, стал 29 июля 1944 года генерал-полковником, 17 ноября 1944-го – генералом армии. И только 3 ноября 1947 года, после того, как был назначен министром Вооруженных Сил СССР, ему присвоили звание Маршала Советского Союза. А Берия стал маршалом, будучи наркомом, членом ГКО. Даже Брежнев попал в маршалы не из полковников, а все-таки из генералов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.